

Астраханская церковная старина.

(Окончаніе).

З а к л ю ч е н і е ¹⁾.

Заключивая описаніе предметовъ иконографической древности, принадлежащихъ Р.-Богородицкой и К.-Воздвиженской церквамъ г. Астрахани, считаемъ необходимымъ въ заключеніе сдѣлать хотя краткую характеристику древне-русскаго иконописнаго искусства, сказавъ нѣсколько словъ и объ отличіи его отъ современнаго ему живописнаго искусства запада.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ свойствъ русской иконописи несомнѣнно является ея религіозный характеръ. Даже въ тѣхъ *притчахъ и бытіяхъ*, которыми нерѣдко украшались хоромы и палаты нашихъ предковъ, послѣдніе видѣли исключительно только назиданіе и поученіе, только душевную пользу въ религіозномъ смыслѣ, а никакъ не украшеніе, назначенное для услажденія взора прекрасными образами. Эта древняя комнатная стѣнопись носила въ себѣ тотъ же характеръ, ту же цѣль и назначеніе, какъ и церковная, отъ которой она не отличалась и по внѣшнему своему виду.

Самое писаніе иконъ являлось въ древней Руси не простымъ ремесломъ, но «дѣломъ Божиємъ», дѣломъ святымъ и богоугоднымъ, которое поэтому начиналось, сопровождалось и оканчивалось молитвою, постомъ и благословеніемъ епископа.

Иконописцы древней Руси составляли какъ бы особый классъ людей, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ, при чемъ отъ иконописцевъ требовались такія же высокія нравственные качества, какія Апостолъ предъявлялъ къ пастырямъ церкви. «Подобаетъ, говоритъ Стоглавъ (гл. 43), быть живописцу смиренну, кротку, благоговѣнну, не празднословну, не смѣхотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницѣ, не грабителю, не убійцѣ, особенно же хранить чистоту душевную и тѣлесную со всякимъ опасеніемъ... а кто не можетъ воздержатися, пусть женится по закону». Находясь подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ

¹⁾ Составлено главнымъ образомъ по ст. О. Н. Булаева „Общинъ понятія о русской иконописи“ и ст. еписк. В. Маркова „О церковномъ иконописаніи въ Россіи“ (Црв. Обзор. 1885 г. Авг.).

епископа и вообще духовенства, живописцы должны были возможно чаще «приходить къ отцамъ духовнымъ и во всемъ съ ними совѣщаться, и по ихъ наставленію и ученію жить въ постѣ, молитвѣ и воздержаніи, со смиренномудріемъ безъ всякаго зазора и безчиинства».... Если же добавляетъ Стоглавъ, кто изъ мастеровъ или учениковъ будетъ жить не по правильному завѣщанію, въ пьянствѣ и нечистотѣ и во всякомъ безчиствѣ, и святитель такихъ въ запрещеніе полагаетъ и отлучаетъ отъ иконнаго дѣла, по реченному: «Проклятъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ»²⁾.

Для религіознаго смысла русскаго народа того времени икона значила то же, что и книга: по иконнымъ изображеніямъ оны читалъ, какъ по книгамъ, содержаніе и смыслъ своей вѣры. Отсюда—всякое измѣненіе въ иконописныхъ формахъ считалось чуть ли не кощунствомъ и по крайнему разумѣнію нашихъ предковъ значило то же, что въ книгѣ порча смысла съ поврежденіемъ буквъ и словъ.

Въ зависимости отъ такого взгляда на иконы и иконописаніе стоитъ другая отличительная черта старинной русской церковной живописи—отсутствіе въ ней художественности или эстетическаго элемента. Вѣщная красота, правильность рисунка, перспективы, колорита и тѣней были принесены русскими иконописцами въ жертву религіозной идее. Все стремленіе художника при написаніи имъ той или другой иконы сводилось къ тому, чтобы удовлетворить только религіознымъ цѣлямъ, только религіознымъ запросамъ молящихся, замѣняя отсутствующую на изображеніяхъ ликовъ святыхъ вѣщною красотою внутреннимъ ихъ благородствомъ. Прекрасной иллюстраціей этому могутъ служить, напр., лицевые святцы XVI и въ XVII в.в.

²⁾ На ряду съ церковною властью изобразительное искусство приняло подъ свое покровительство и свѣтское правительство. При дворѣ царскомъ въ XVII ст. были устроены особыя школы живописи, ученики которыхъ пользовались большими привилегіями и получали солидное по тому времени содержаніе, какъ деньгами, такъ и натурою, а во время работы—кромѣ того иоденный кормъ. Такъ, напр., знаменитый царскій иконописецъ Семенъ Ушаковъ получалъ въ годъ кромѣ 30 руб. деньгами, еще по 26 четв. ржи и овса и иоденнаго корму по 3 алтына и 2 деньги въ день. Награда къ свѣтлому діаку выдавалась царскимъ живописцамъ, обыкновенно, натурою: по ведру вина, по два ведра пива, по ветчинѣ, по три части солонины, по пяти лавровъ говядины, по пяти кусковъ рублиныхъ, по осьмидесяти мука ишеничной каждому. Правительство слѣдило не только за работой иконописцевъ, но и за ихъ правдивостію. Отъ нѣкихъ царскихъ иконописцевъ при поступленіи ихъ на государеву службу требовалось, между прочимъ, поднести за порукою нѣсколькихъ человѣкъ въ томъ, «чтобы быть всегда со своею братіей и не пить и не бражничать».

При всей неуклюжести многихъ изображенныхъ здѣсь фигуръ, не-правильности въ постановкѣ и движеніяхъ, однимъ словомъ, при всѣхъ очевидныхъ ошибкахъ и уклоненіяхъ въ изображеніи ихъ художникомъ отъ природы, ни одному изъ этихъ изображеній ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать въ томъ благородствѣ характера, какое сообщалъ имъ художникъ, передавшій на доску глубокое сознаніе святости изображен-ныхъ имъ лицъ, которымъ было проникнута его душа. Вотъ почему ни одна изъ старинныхъ русскихъ иконъ никогда не можетъ удовле-творить эстетически воспитаннаго вкуса. Цѣнать эти произведенія нужно не съ эстетической стороны, а съ точки зрѣнія религіознаго вкуса. Икона, по мнѣнію нашей благочестивой старины, есть не что иное, какъ путеводитель человѣка отъ земли на небо; она поэтому должна отрѣ-шить молящагося предъ нею отъ всего земного, чувственнаго и возно-сить его умъ и сердце къ горнему, духовному. Этотъ принципъ отрѣ-шенности отъ всего земного и былъ положенъ въ основаніе нашими иконописцами. Отсюда древняя русская икона дѣйствуетъ прямо на мысль, все впечатлѣніе ея основывается на скрытой въ пей нравственной идеѣ и потому, если въ наблюдателѣ недовольно сильно развита эта идея, то онъ никогда не можетъ извлечь изъ разсмотрѣнія древней русской иконы искренняго и глубокаго наслажденія, — на него повѣетъ отъ нея холодомъ и безжизненностью. И наоборотъ, совершенно иное впечатлѣніе произведетъ эта икона, если смотреть на нее человѣкъ религіозно настроенный. Для него она является ни чѣмъ инымъ, какъ художественнымъ идеаломъ, высоко поставленнымъ кистью художника надъ всѣмъ мелочнымъ, житейскимъ, идеаломъ, въ которомъ русскій человѣкъ выразилъ свое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ и къ которымъ вмѣстѣ съ молитвою обращается онъ какъ къ образцамъ и руководителямъ въ своей жизни.

Таковы въ общихъ чертахъ основныя черты древне-русской иконо-писи, благодаря которымъ она не обратилась у насъ въ то, во что обра-тилось церковное живописное искусство на Западѣ, гдѣ художники внесли въ это искусство свѣтскій земной элементъ, въ большинствѣ не только не гармонирующій съ высокою идеею того или другого священнаго сю-жета, но нерѣдко даже профанирующій его.

Эта профанация въ западномъ церковномъ изобразительномъ искус-ствѣ выразилась прежде всего въ томъ, что западные художники очень

легкомысленно стали относиться къ церковнымъ идеямъ и, стараясь сблизить церковное преданіе съ современной дѣйствительностью, перенесли на икону и позднѣйшіе костюмы и позднѣйшіе обычаи. Черезъ это божественное, смѣшиваясь съ ежедневною дѣйствительностью, утѣжалось неприличными для него слишкомъ чувственными формами. Такъ, напр. Въ XV в. стало входить въ обычай у западныхъ живописцевъ писать Богородицу по портретамъ своихъ женъ, знакомыхъ дамъ и даже любовницъ. Крайность развитія чувственности довела западныхъ художниковъ наконецъ до того, что они находили для себя очень естественнымъ скандальозный пріемъ изображать Мадонну въ своихъ этюдахъ сначала обнаженною съ погъ до головы, а потомъ уже поправили ее одеждою. Страсть къ обнаженнымъ фигурамъ—эта отличительная и характерная черта средне-вѣковаго западнаго искусства—переступала иногда свои границы, нисводя чрезъ то высоко художественныя въ техническомъ и идейномъ смыслѣ этого слова произведенія на степень обыкновенныхъ бытовыхъ картинъ. Такъ напр. на картинѣ Страшнаго суда, приписываемой Мемлингу, не смотря на натуральность фигуръ и высокое подражательное искусство этого мастера, предверіе рая съ обнаженными праведниками производить смѣшное впечатлѣніе русскаго предбашика.

Не менѣе поразительною является и та легковѣрность, съ которою западное искусство относилось къ священнымъ предметамъ. Оно постоянно позволяетъ себѣ двусмысленное смѣшеніе священнаго съ мірскимъ: для примѣра можно указать на Мадонну Ванъ-Эйки. Художникъ изображалъ ее сидящею на престолѣ, въ ногахъ ея разосланъ пышный коверъ. Христосъ-Младенецъ питается отъ ея груди, а въ лѣвой рукѣ держитъ яблоко. На лѣво отъ престола на окнѣ лежатъ два яблока, направо, на окнѣ же тазъ съ водою, надъ окномъ въ нишѣ—подвѣчангъ безъ свѣчи и графинъ съ водою. Словомъ, по выраженію проф. Буслаева, будто бы царственный престолъ перенесенъ въ голландскую кухню, освященную неземнымъ присутствіемъ самой Мадонны. Весьма характерны въ этомъ отношеніи сцены обрученія Іисуса Христа съ великомученицей Екатериной и др. святыми дѣвами.

Не малымъ средствомъ къ профанации священныхъ предметовъ послужило въ западномъ искусствѣ введеніе въ нихъ современныхъ художникамъ костюмовъ. Этому требовало уже католичество, которому пріятно было видѣть пророковъ и апостоловъ въ видѣ католическаго духовен-

ства. Такъ, напр., на одной изъ картинъ Крещенія Господня Предтеча изображенъ обритымъ, а Лука Лейденскій изобразилъ евангелистовъ не только обритыми, но и съ очками на носу.

Вмѣстѣ съ развитіемъ западнаго искусства постороннія примѣси къ религіознымъ сюжетамъ умножались въ немъ все болѣе и болѣе, въ зависимости отъ нихъ религіозный интересъ постепенно отступилъ на задній планъ, и икона обратилась въ простую картину, а живопись церковная въ обыкновенную историческую, портретную, ландшафтную и жанровую.

Ничего подобнаго мы никогда не встрѣтимъ въ иконописи русской, гдѣ все проникнуто вѣрностью церковному преданію, величавою строгостью, вызывающаго въ душѣ человѣка одно только чувство глубокаго благоговѣнія.

Священ. *І. Егоровъ.*

---

† Николай Филипповичъ Леонтьевъ.

3 января сего года безболѣзненно скончался заслуженный преподаватель мѣстной духовной семинаріи магистръ богословія Николай Филипповичъ Леонтьевъ. Съ именемъ покойнаго среди астраханцевъ издавна соединялось представленіе какъ о человѣкѣ высокочеловѣчному духа, большаго ума и изумительныхъ научныхъ знаній, особенно глубокихъ въ области исторіи астраханскаго края. Уроженецъ г. Астрахани, онъ все время съ 1867 г. состоялъ на педагогической службѣ въ Астраханской епархіи: до 1875 г. преподавателемъ семинаріи, съ 1875 г. до 1885 г. смотрителемъ духовнаго училища и съ 1885 до смерти своей опять преподавателемъ Астраханской семинаріи. Съ 1891 г. до 1896 г. состоялъ редакторомъ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей; состоялъ почетнымъ членомъ и основателемъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астрах. края, товарищемъ предѣдателя мѣстной Общественной Библіотеки.

Отпѣваніе Н. Ф. Леонтьева проходило 7 января въ Семинарскомъ храмѣ при громадномъ стеченіи богомольцевъ; было произнесено много рѣчей похвальныхъ, много возложено вѣнковъ отъ различныхъ обществъ и учреждений.... Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ мы помѣстимъ подробный некрологъ почившаго и описаніе его похоронъ.

Миръ праху твоему, ученый труженикъ! Увѣрены, что многочисленные его ученики помолятся о упокоеніи его души.
